

Борис Михайлович Бим-Бад, Сергей Назипович Гавров

### ***Семья в эпоху преמודерна***

Экономическую основу общества преמודерна, т.е. традиционного (доиндустриального) общества, составляют охота, собирательство, земледелие, рыболовство, то есть использование того, что может дать кормящая и вмещающая человека биосфера. Хозяйственная деятельность в рамках доиндустриального общества находится под определяющим воздействием/влиянием социокультурной традиции, зависит от следования обычаям и традициям и от природного плодородия почв, пригодных к использованию при примитивном техническом/технологическом оснащении, окружающим человека животным и растительным миром, климатическими условиями. Само хозяйство может базироваться на охоте и собирательстве, земледелии и рыболовстве, реже на добыче полезных ископаемых и примитивном лесном хозяйстве.

Человек традиционного общества сохраняет единство с природой, задающей и обуславливающей технологии личностного и группового выживания и экономической активности. Человек традиционного общества подчиняет свою экономическую и, отчасти, социальную активность циклическим процессам, прежде всего связанным со сменой времен года. Земля является главной экономической ценностью, определяющей социальную стратификацию общества. Основу экономической системы составляют производство и

потребление в рамках домохозяйств, товарно-денежные отношения не получают значительного развития, существуя в значительной мере на периферии экономической системы.

Жизнь этого общества, в том числе и экономическая активность его членов, определяется циклическими природными процессами, такими, как смена времен года, приливы и отливы в приморских регионах и т.д. При переходе от присваивающей экономики собирательства к производящей экономике сельского хозяйства главной ценностью для людей становится пригодная для использования земля. Средневековое время было прежде всего временем аграрным. В мире, где самым главным была земля, с которой жило – богато или бедно – почти все общество, первым хронологическим ориентиром был аграрный [Ле Гофф, 1992: 167]. С течением времени владение землей определяет способ социальной стратификации. Тяжелые условия ручного труда требуют относительно большего числа работников, широко распространен семейный труд.

В доиндустриальном обществе эндогенный фактор перемен доминирует над экзогенным, последний выполняет часто лишь дополнительную, компенсаторную роль. Абсолютное доминирование социокультурной традиции радикально замедляет интенсивность происходящих в социуме процессов. Социокультурная традиция легитимизирует примат коллектива (общины) над личностью, для традиционного общества характерно отсутствие демократии, кроме некоторых низовых народных форм.

Пассивность общества и личности сопровождается отношениями подданства, временной ориентацией на «сегодня», т.е. жизнь сегодняшним днем, невозможность работать ради «отложенного спроса», воспроизводство традиций: «что всегда было, то всегда будет», господство мировоззрения над технологией. В рамках традиционного общества традиция «как броня» прикрывала индивида, освобождая его от многочисленных ситуаций личностного

выбора и ответственности за него. В отсутствие (или при ослабленной) традиции человеку требуется уже иной уровень ощущения своей личностной ценности и самодостаточности, чтобы самому сделать все необходимые выборы.

Мы знаем, что для общества доиндустриального типа социальной организации характерен особый тип социальности («Gemeinschaft»), основывающийся на особом способе разделения труда, приводящем к механическому типу социальной солидарности. Механическая солидарность характеризуется сходством индивидов, одинаковостью их отношений к обществу. Индивидуальное сознание подчиняется коллективному, люди уподобляются «социальным молекулам». Такой человек максимально несвободен, хотя и не осознает, как правило, своей несвободы, «я» ищет и находит растворения в «мы».

Солидарность, вытекающая из сходств, достигает своего максимума тогда, когда коллективное сознание точно покрывает все наше сознание и совпадает с ним во всех точках; но в этот момент наша индивидуальность равна нулю. Но человек тем более свободен как личность, чем меньше эта область совпадения общественного сознания совпадает с сознанием отдельного индивида.

Чем обширнее эта область, тем сильнее связь, вытекающая из этой солидарности. Действительно, с одной стороны, каждый тем теснее зависит от общества, чем более разделен труд, а с другой – деятельность каждого тем личностнее, чем она более специализирована... Здесь, стало быть, индивидуальность целого возрастает вместе с индивидуальностью частей; общество становится способнее двигаться согласованно, в то время как каждый из его элементов производит больше собственных движений [Дюркгейм, 1996: 138].

Организация общества на началах органической солидарности «Gesellschaft» характерна скорее уже для эпохи модерна.

Важным в понимании того, как функционирует общество доиндустриального типа социальной организации, является

понимание того, что им соответствуют ориентированные на предков и традиции постфигуративные культуры. Постфигуративная культура – это такая культура, где каждое изменение протекает настолько медленно и незаметно, что деды, держа на руках новорожденных внуков, не могут представить себе для них никакого иного будущего, отличного от их собственного прошлого. Прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения; прожитое ими – это схема будущего для их детей.

Для того чтобы сохранить такую культуру, старики были нужны, и не только для того, чтобы иногда вести группы людей на новые места в периоды голода, но и для того, чтобы служить законченным образцом жизни, как она есть. «Ответы на вопросы: Кто я? Какова суть моей жизни как представителя моей культуры? Как я должен говорить, двигаться, есть, спать, любить, зарабатывать на жизнь, встречать смерть?» – считаются предрешенными [Стефаненко, 1999: 24].

И эта предрешенность определяла функционирование и воспроизводство, повседневную жизнь человека и общества в целом, включая его различные подсистемы, микро- и макросоциальные группы, в том числе и семью. Иными словами, патриархальная семья отличалась огромной устойчивостью, воспроизводясь без видимых (существенных) изменений из поколения в поколение. Человек, живущий в обществе доиндустриального типа социальной организации, не мог себе представить иного положения не только для себя, но и для многих, если не для всех, существ его окружающих, тех, кем он сам себя окружил в сказках, сказаниях, поверьях...

Например, болотные черти живут семьями: имеют жен, плодятся и множатся, сохраняя свой род на бесконечные времена. С их детьми, бойкими и шустрыми чертенятами (хохликами), такими же черными (в отличие от немецких красненьких), мохнатыми и в шерсти, с двумя острыми рогами на макушке головы и длинным хвостом, не только

встречались деревенские русские люди, но и входили с ними в разнообразные сношения [Максимов, 1995: 248].

Так воспринимал устройство окружающего его мира еще в середине XIX века русский крестьянин. Сравним, как охарактеризовал образ жизни и семейные отношения других мифологических существ – циклопов за несколько тысячелетий до этого Гомер: «Нет между ними ни соборщ народных, ни общих советов; В темных пещерах они иль на горных вершинах высоких Вольно живут; над женой и детьми безотчетно там каждый Властвует» [Ямловский, 2004: 440]. Характерно, что циклопы властвуют в своих семьях, животные также имеют подобие семей. Мы видим, что начиная со времени Гомера ничего не меняется, патриархальная семья воспроизводится в своих привычных формах, власть мужа-циклопа абсолютна и безраздельна.

Мы видим, что человек в рамках общества доиндустриального типа социальной организации воспринимает семью как высшую ценность, он готов служить ей, готов жертвовать во имя ее благополучия, сохранения и воспроизводства своим временем, силами, здоровьем, а иногда и жизнью. Мы знаем, что инстинкт самосохранения у членов кровнородственной группы/семьи часто принимал/принимает форму не страха за себя, а страха за «другого».

В социобиологии есть специальный термин, определяющий аналогичное поведение – «непотизм». У человека, как природного существа, существует генетическая предрасположенность к родственному отбору, ориентация на кровнородственную группу/семью, а не на собственную личность.

Объяснение подобного альтруистического поведения заключается в следующем: человек может принести себя в жертву для защиты группы, с членами которой он осознает свою общность, при этом человек, защищающий интересы кровнородственной группы/семьи, теряет возможность передать свои гены следующему поколению «напрямую», но резко возрастает возможность косвенной передачи генов через спасенных, защищенных членов группы. Именно из этого

«первобытного», первоначального nepoтизма в процессе исторического развития человечества возникли его более сложные формы, в том числе гуманизм, распространяющийся сегодня на биосферу планеты, различные виды живых существ.

Альтруистическое поведение достаточно длительное время поддерживалось эволюционно, в процессе естественного отбора, поскольку делало человеческую общность более устойчивой к различным испытаниям, давая ей тем самым эволюционное преимущество перед теми человеческими группами, где альтруистическое поведение отсутствует. Согласно социобиологическим представлениям, неальтруистичные человеческие группы, состоящие из одних эгоистов, длительное время существовать не могут.

Говоря о системе эгоистических приоритетов уместно вспомнить знаменитую сентенцию, в которой герой Ф.М. Достоевского выразил квинтэссенцию подобного отношения к жизни: миру провалиться или мне чаю не пить. Человек в процессе истории часто выбирал и выбирает личные интересы, причем этот процесс приобретает экспоненциальный характер, что в определенной степени отличает современное человечество.

Традиционная семья основывалась именно на nepoтических инстинктах, когда ее интересы, как правило, рассматривались человеком как доминантные в отношении личных интересов, более того, интересы семьи зачастую и являлись выражением этих личных интересов.

Отметим, что nepoтическое поведение человека в рамках патриархальной семьи является одним из знаковых фамилистических феноменов. Заметим, что термин «фамилистический» произведен от латинского familia – семья, являясь синонимом всего семейного. Иногда фамилистикой называют комплекс наук о семье. Термин «фамилизм» употребляется для характеристики просемейных систем ценностей, где наивысшее

значение по сравнению с остальными благами жизни придается семье и детям.

Непотическое поведение членов патриархальной семьи становится более понятным, если вспомнить, что она выполняла и функцию социального призрения, включавшую в себя уход за больными и престарелыми, рождение, уход и воспитание (социализация и инкультурация) детей, поскольку государственная система социальной помощи была практически неизвестна в традиционном обществе. Чем больше было в семье детей, тем надежнее представлялось положение человека в старости.

М. Фуко, рассматривая проблему душевных болезней, безумия и его лечения/сдерживания в классическую эпоху, отмечает ключевую роль семьи. Место, отведенное самой природой для излечения, – это не госпиталь, но семья или, во всяком случае, непосредственное окружение больного. И подобно тому как бедность исчезает при свободном обращении рабочей силы, болезнь должна отступить перед теми заботами, которые самопроизвольно оказывает человеку его естественная среда: Если общество стремится к подлинному милосердию, оно само должно принимать в нем возможно меньшее участие и в той мере, в какой это от него зависит, привлекать к этой деятельности силы частных лиц и семей [Фуко, 1997: 410].

Это служение семье и императивное соблюдение ее интересов, их безусловный приоритет над возможными интересами индивидуума много требовало от человека, но и много ему давало.

Вот как известный социолог А. Шуц в своей классической работе «Возвращающийся домой» характеризует особенности традиционной семейной человеческой жизни. Жизнь дома означает... жизнь в актуальных или потенциальных первичных группах, т.е. в общем с другими пространстве и времени, в общем окружении объектов как возможных целей, средств и интересов, основанных на непрерывной системе релевантностей.

Жить дома – это значит воспринимать другого как уникальную личность в живом настоящем, разделять с нею антиципации будущего в качестве планов, надежд и желаний, наконец, это означает шанс восстановить отношения, если они прерваны. Для каждого из партнеров чужая жизнь становится частью его автобиографии, элементом личной истории.

Теперь обратимся к теме экономических оснований, на которых существовала, а в ряде регионов мира и по сей день существует патриархальная семья. Мы знаем, что в условиях сельскохозяйственного, по преимуществу, производства семья выполняла функцию важнейшей производственной ячейки, была экономической структурой, в рамках которой создавались и аккумулировались материальные ресурсы: большинство мужчин и женщин вынуждены были работать на земле; труд этот был тяжел и неблагодарен.

Функционирование семьи как производственной ячейки общества привело к ее самому активному участию в распределении и перераспределении материальных ресурсов, наследовании социальных ролей, нищеты и богатства, власти и привилегий. До начала индустриализации большинство семей являлись производственными ячейками, они обрабатывали землю или занимались ремеслом.

До создания собственных репродуктивных семей люди, как правило, входили в состав других семей, с членами которых вместе жили и работали. Выбор будущего супруга обычно определяли не любовь и романтические увлечения, а социальные и экономические интересы, диктовавшие необходимость бесперебойного функционирования семейного производства и заботы об иждивенцах [Гидденс, 1999: 365].

Данную Э. Гидденсом характеристику патриархальной семьи и особенностей взаимоотношений людей в ее рамках подтверждает

огромный массив как первичной (эмпирической), так и вторичной (обобщающей и анализирующей) информации.

Дабы не утомлять внимания читателя перечислением многочисленных примеров, приведем только свидетельство Х. Арендт, относящееся к периоду до Второй мировой войны. В еврейских семьях, а еврейская семья очень долго сохраняла классические патриархальные черты, индивид рассматривался прежде всего как член семейства, его обязанности определялись в первую очередь семейством, которое было важнее жизни и достоинства индивида [Арендт, 1996: 71].

В малоразвитой в сравнении с Античностью и современным ей исламским Востоком средневековой Европе, как, впрочем, и в подавляющем большинстве регионов тогдашнего мира, естественным образом существовала и воспроизводилась патриархальная семья. Человек в ее рамках осознавал свою коллективную идентичность в отношении этой локальной кровнородственной группы, но кроме чувства сопричастности и гарантии от одиночества она встраивала индивида в жестко иерархические отношения господства и подчинения, и подчиненной стороной этой микросоциальной конструкции были женщины и дети.

Обществу доиндустриального типа социальной организации принадлежит и разделение труда между полами, и жесткое противопоставление всех видов деятельности и орудий труда согласно тому, какому полу они пристали, и структура пространства с его оппозицией публичных мест (рынок, место собраний), являющихся мужскими, и мест приватных, «внутри» дома, предоставленных женщинам. Та же оппозиция мужского и женского воспроизводится и внутри дома, где есть мужское место – у очага – и женское, поближе к воде, животным и растениям.

В рамках нашего дискурса крайне важным обстоятельством является то, что доиндустриальное общество является обществом

классического патриархата. Вот как характеризуют особенности патриархата наиболее радикальные феминистские авторы. Женщин угнетают, мужчин – нет. Эта специфическая форма жизни называется патриархатом.

Мужчина присваивает себе лучшие социальные роли и держит женщину в положении подчиненной и эксплуатируемой. Радикальный феминизм определяет патриархат как «систему власти, при которой именно мужчине принадлежит верховная власть и экономические привилегии... В частности, мужчины контролируют женскую сексуальность и доминируют в социальных институциях, что поощряет обесценивание женщин и продлевает их подчинение» [Эллиот, Менделл, 2001: 106].

Чтобы дать еще более развернутое представление об этом социально-конструирующем явлении, приведем точку зрения известной американской феминистки А. Рич, которую она представляет на суд общественности в своей книге «Рожденная женщиной». Мы полагаем, что она дает вполне подробное и оценочно окрашенное определение патриархата, определение, вполне нами разделяемое.

Патриархат – это власть отцов. Социально-родовая, идеологическая, политическая система, в которой мужчины при помощи силы, прямого давления или посредством сложившегося ритуала, традиции, закона и языка, обычаев, этикета, образования и разделения труда решают, какую роль отводить (или не отводить) женщине в их игре. В данной системе женское всегда и везде подчинено мужскому. Это вовсе не значит, что женщины не имеют власти или что всем женщинам данной культуры недоступен определенный тип власти.

«В условиях патриархата я могу жить на женской половине или водить грузовик; могу стать главой государства по праву наследования или в результате выборов, или мне может выпасть участь обстирывать жену миллионера; я могу прислуживать своему

мужу в глинобитной берберской хижине, поднося ему утренний кофе, или шествовать в процессии академиков.

Но каков бы ни был мой статус или как бы ни сложились обстоятельства, к какому бы экономическому классу я ни принадлежала, я живу под властью отцов и имею доступ лишь к той части привилегий или влияния, которую пожелает предоставить мне патриархат, и только до тех пор, пока я плачу сполна за согласие с ним» [Бем, 2004: 78-79].

Обращаем внимание читателя на следующее важное обстоятельство. Выраженные мужские характеристики, такие, как физическая сила, агрессивность, ассертативность, формируют тип доминантного самца – А (мачо) – тип полуграмотного, ограниченного, но мужественного и непреклонного «армейского командира». К подобному типу личности принадлежали многие политические диктаторы и организаторы военных путчей.

В то же время мужчины могут выступать и в иной роли – за счет правополушарной интуиции и образного целостного видения реальности они могут быть стратегами, предсказателями будущего, референтами, консультантами и просвещенными, окрыленными политическими деятелями.

Эта иерархичность семьи, подчинение женщин и детей мужчине в своей генеалогии имеет как биологические, так и социокультурные, прежде всего религиозные и символические основания.

Известный французский социолог П. Бурдьё заметил, что всегда видел в мужской гегемонии и в том способе, каким она внедряется и каким ей подчиняются, образцовый пример этого парадоксального подчинения, результат того, что называют символическим насилием, насилием мягким, нечувствительным, невидимым даже для самих его жертв, осуществляющимся главным образом в чисто символических формах коммуникации, знания (хотя последнее скорее следовало бы назвать неузнанием), признания и даже чувств.

Это необыкновенно обыкновённое социальное отношение наиболее выпукло показывает логику господства, осуществляемого от имени символического принципа, знакомого и признаваемого как теми, кто господствует, так и теми, кто подчиняется, от имени языка (или определенного выговора), от имени стиля жизни (или способа мыслить, говорить или действовать) или, в более общем виде, от имени некоторого определенного свойства, выступающего как эмблема или стигмат [Сокулер, 2003: 40].

Мы знаем, что массово распространенные монотеистические религии, такие как иудаизм, христианство, ислам, санкционируют неравенство между мужчиной и женщиной, делегируя мужчине в рамках семьи куда больше полномочий, чем женщинам и детям. Согласно удачному определению Симоны де Бовуар: «человек – это мужчина... и он определяет женщину не через ее саму, но через ее отношение к нему; она не рассматривается как автономная сущность... Он – это Субъект, он – Абсолют; она же – Другой» [Жеребкина, 2001: 43].

Вначале было слово, практической монополией на которое долгое время обладали мировые религии, и это слово надолго определило гендерные роли мужчины и женщины.

Вот как определяет традиционные характеристики, приписываемые мужчинам и женщинам, В. Шубарт.

Мужской склад – это воля к власти, доминирование идеи права над идеей любви, действия над созерцанием, рассудка над чувством. Женский склад – самоотдача, благоговение, смирение, терпение. Мужчине свойственны критика, рационализм. Женщине – интуиция, восприимчивость к внушению, вера. Мужчине присущи обособленность, принцип деления, механистичность.

Женщине – принцип целостности, органичность. Преимущество мужчины – количественное, однако оно таит в себе и опасность: оно дает мужчине в руки бразды правления, но угрожает сковыванием вольно текущей жизни. Мужчина отделяется от всеобщего и

стремится к автономии. В результате становится одиночкой, монадой, личностью.

Женщина, напротив, чувствует свою соединенность с целостным миром. Она укоренена в природе, словно растение. Мужчина воспринимает свое тело как инструмент, средство, оружие, с которым он вступает в борьбу. Женщина ощущает тело как первоисточник и первооснову своей сущности, как сосуд, в котором она укрыта от опасностей.

Для мужчины жить значит бороться, убивать, уничтожать жизнь; для женщины жить значит продолжать род, рожать, обновлять жизнь. Мужской принцип есть принцип смерти, женский – принцип вечной жизни. Поэтому женские образы являются у народов символом их вечности и плодородия (Ева, Хава, еврейское имя праматери человечества, означает жизнь) [Шубарт, 2000: 179]. Господствующие религии подчеркивают мужские прерогативы.

Это, прежде всего, монотеистические религии: иудаизм, ислам и христианство. Что касается монотеистических религий иудаизма и христианства, то мы обратимся к первоисточникам, к Ветхому и Новому Заветам: «И сказал Господь Бог: “Не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему“. Потому оставит человек отца своего и мать свою, и соединится с женою своею; и будут одна плоть [Бытие 2,18 и 24.]; «Жёны, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, жизнью жён своих без слова приобретаемы были, когда увидят вашу чистую, богобоязненную жизнь» [1-е послание Петра 3,1–2]/.

Мы не будем во множестве приводить библейские цитаты, связанные с ролью мужчины и женщины в семье и в процессе воспитания детей, мы лишь укажем всем тем, кто желает более полно рассмотреть этот вопрос, список из корпуса библейских текстов [См., например: Бытие 39; 2-я Царств 11 и 12; Матфея 19, 3–9; Притчи 6, 23–33; Притчи 7; Притчи 9,13–18; Марка 6,17–28; Колоссянам 3, 18–21; Колоссянам 3, 5; Исход 2,1–10; Числа 27,8–11; Иисус Навин 24,15;

1-я Царств 1; Иов 1,5; Псалом 77,1-8; Псалом 143,12-15; Притчи 17,6; Притчи 20,11; Притчи 29,15 и 17; Марка 10,13-16; Луки 2,41-52; 2-е Тимофею 1,5; 2-е Тимофею 3,15]. Естественно, что на эту тему существует еще более обширная литература, написанная христианами авторами после создания классических новозаветных текстов.

Такое понимание процитированных библейских первоисточников вполне подкрепляется также взглядами на проблему мужского превосходства, получившего столь явную религиозную легитимацию, многих видных философов, социологов, психологов XX века: «Бог сотворяет мир своим словом, чтобы убедительно подчеркнуть превосходство патриархальной культуры над матриархальной, и библейская история сообщает нам о происхождении Евы из ребра мужчины, а не мужчины от женщины» [Фромм, 1998: 115].

Свидетельства тому многочисленны, но мы приведем здесь характерную для раннего Средневековья выдержку из работы Астерия Амасийского, относящейся к IV веку. Он писал о том, что женщина это друг, помощник и слуга человека, а человек это мужчина.

Женщина – это как бы часть тебя самого, это помощь твоя, утешение твое в жизненных испытаниях. Она ухаживает за тобой в болезни. Она унимает твою боль. Она ангел-хранитель твоего очага; защитница твоих прав. Она страдает твоими страданиями, радуется твоими радостями. Она сохраняет твое богатство.

Если же беден ты, она умеет правильно использовать даже самые скромные средства. Когда счастье тебе изменит, ты замыкаешься, падая духом. Твои ложные друзья исчезают, твои рабы покидают тебя. И только жена остается слугою мужа в его страданиях, оказывая уход, в котором ты нуждаешься. Она осушает твои слезы, перевязывает твои раны, если тебе нанесли их, и следует за тобою в темницу [Шубарт, 2000: 183].

Сегодня человек в рамках ареала христианской / постхристианской цивилизации постепенно выходит за рамки классического патриархата, но он и сегодня находит свое убежище в иных культурно-цивилизационных ареалах, в частности в ареале мусульманского мира.

Итак. Мужчина-мусульманин может жениться на христианке или еврейке, но христианин или еврей не могут жениться на женщине-мусульманке... Мужчина-мусульманин может иметь одновременно четыре жены, но женщина-мусульманка может иметь только одного мужа. Мужчина-мусульманин может развестись со своей женой или какой-либо из своих жен, приняв решение о разводе (талак) в одностороннем порядке, без объяснения причин и не приводя никаких оправданий представителю власти или вообще кому-либо.

Напротив, женщина-мусульманка может получить развод только с согласия своего мужа или же по решению суда, которое выносится лишь при наличии ряда оговоренных условий, например, если ее муж не способен или не желает ее содержать. При наследовании имущества женщина-мусульманка получает меньшую долю наследства, чем мужчина-мусульманин, если они оба имеют равную степень родства с покойным [Ан-Наим, 1999: 197].

Исторически обусловленная социализация и инкультурация женщины в некоторых регионах мусульманского мира происходит со всей степенью жестокости, о чем свидетельствует и традиция так называемого «женского обрезания». «Женское обрезание» («female circumcision», или «female genital mutilation») представляет собой операцию, практикуемую в ритуальных целях в основном в исламских странах Северной и Центральной Африки. Во многих из них девушки, не прошедшие эту процедуру, не могут выйти замуж. В течение нескольких последних десятилетий международные правозащитные организации ведут активную кампанию против этого обряда.

Семейные отношения в рамках мусульманского мира также меняются, но изменения эти более медленные, подчас малозаметные стороннему наблюдателю, но даже и они вызывают крайнее сопротивление со стороны ревнителей исламской социокультурной традиции.

Так, в середине 90-х годов XX века малайзийский премьер-министр Махатхир Мохамад опубликовал вместе с японским политиком Синтаро Исихара книгу, озаглавленную «Голос Азии», в которой ее авторы, ссылаясь на О. Шпенглера, вновь обвинили Запад в гедонизме.

Меркантилизм, чувственное наслаждение и эгоизм – обычные явления. Наше общество пошло на уступки индивиду и его желаниям. Неизбежным следствием этого стал развал существующих институтов и снижение уважения к браку, семейным ценностям, старшим и другим важным обычаям и традициям. Они были заменены новым комплексом ценностей, как правило, не имеющих отношения к духовной вере и общинной жизни [Коукер, 2000: 204].

В арабских странах и теперь наблюдается культивирование патриархальной морали, которая не признает безбрачия, любых нетрадиционных репродуктивных технологий, планирования семьи, в том числе прерывания беременности (абортов), использования противозачаточных средств.

За женщиной вообще не признается право на самостоятельное решение вопроса о численности детей. Она должна рожать с момента полового созревания и до тех пор, пока не закончится ее фертильный возраст. Лишь мужчина имеет право регулировать семейную жизнь. Патриархальная семья является сильной, несравненной производителем.

Она владеет инстинктом самосохранения, который толкает ее на использование максимума физиологических способностей ее членов. Она обеспечивает себя гарантией против опасности исчезновения. Не о фатализме мусульманской патриархальной семьи нужно говорить,

а скорее о доверии и уверенности в будущем, так как всякое рождение – благословение в том смысле, что это знак роста достояния семьи [Шайдуллина, 1989: 350].

Многочисленные исламские фундаменталисты и сегодня выступают категорически против предоставления женщине всей полноты гражданских прав, в том числе против предоставления репродуктивной свободы для женщины. Так, например, доктор Мохи ад-Дин ас-Сафари Джелани утверждает, что «долг женщины рожать детей, делать из них мужчин» [Шайдуллина, 1989: 350].

Иными словами, в понимании Мохи ад-Дин ас-Сафари Джелани люди – это мужчины [Шибарина, 1989: 322-323]. Но женщина, которая не имеет возможности пользоваться репродуктивной свободой, женщина, выступающая в роли живой машины для рождения детей – практически не имеет шансов на социальное освобождение, ей крайне трудно получить хорошее образование и практически невозможно построить успешную профессиональную карьеру.

Ее «профессиональная карьера» заключается в служении семье, мужу и детям. Но, рассматривая женщину в парадигме служения, ни о каком освобождении половины человечества говорить не приходится, женщина, становясь машиной для деторождения, быстро разрушается физически, в большой мере такое положение вещей является узаконенным рабством одной половины человечества в отношении другой.

В качестве наглядного эмпирического примера подобному физическому износу можно привести большие таджикские сельские семьи, где женщину окружают дети «мал, мала, меньше», семьи, которые в последние годы мы так часто видим на улицах российских городов.

Как обобщающее определил в начале 30-х годов XX века отношение человека традиционного общества к физическим и метафизическим сущностям немецкий консервативный

революционер К. Гуттен: «Брак как связь, семья как долг, родина как ценность в себе, мораль как авторитет, религия как обязанность, источником которой является вечность» [Райх, 1997: 153].

Мы полагаем, что подобное понимание должного в отношении человека, семьи, родины удручающе, оно делает несвободными не только женщин, но и мужчин, оно делает несвободным человека вообще, невзирая на его социальную, этническую/национальную, половую принадлежность. Но процессы, которые привели к ускоренной эволюции семьи и семейных отношений и освобождению человека из жестко нормативных, задаваемых социокультурной традицией рамок патриархальной семьи и традиционных гендерных ролей, мы подробно рассмотрим в следующем параграфе.

Но сейчас мы вернемся к традиционному обществу и анализу патриархальной семьи. Патриархальная семья получила широкое распространение в доиндустриальную эпоху благодаря экономической востребованности, в том числе необходимости большого количества рабочих рук при проведении сельскохозяйственных работ, отсутствии системы социального обеспечения, прежде всего пенсий по старости, давлению социокультурной традиции, выражавшемуся, в частности, во всепроникающей системе контроля и репрессий.

Вот, например, выдержка из правил парижских приходских благотворительных обществ, относящихся к концу XVII – началу XVIII века: «Надлежит с помощью наводящих вопросов вызнать, как они ведут себя в семье, живут ли в согласии между собой и с соседями, воспитывают ли детей в страхе Божьем... не укладывают ли взрослых детей разного пола вместе или к себе в постель, нет ли в их семьях распущенности и разврата, особенно по отношению к взрослым дочерям. Если возникнет сомнение в том, состоят ли они в законном браке, то надо потребовать, чтобы предъявили свидетельство о браке» [Фуко, 1999: 311].

Но не следует полагать, что приверженность к патриархальной модели семьи и ориентация культуры на сверхопытные, метафизические ценности, воспитывают ли детей в страхе Божьем, изоциренная система контроля и репрессий приводила в средневековой Европе к следованию моральным установлениям христианской церкви и упорядочиванию семейной жизни

Так, римский папа Иоанн XXII ввел следующий тариф наказаний для людей, преступивших христианские заповеди и светские законы своего времени, мы приводим здесь не весь этот весьма обширный список, но выборку, коррелирующую с нашей тематикой.

I «Если церковник согрешит плотским грехом с монахиней, либо двоюродной сестрой своей, племянницей, либо крестницей, либо, наконец, с какой-либо другой женщиной, – виновный получит отпущение греха своего, уплатив 67 ливров, 12 су».

II «Если, кроме любострастного греха, он испрашивает отпущение греха противоестественного, либо скотоложного, да уплатит он 219 ливров, 15 су; но, если грех сей совершен им с отроками или животными, но не с женщиной, то пеня уменьшается до 131 ливра, 15 су». «Священник, лишивший девушку невинности, платит 2 ливра, 8 су». «Муж, который жестоко избьет жену, вносит в суммы казначейства 3 ливра, 4 су; если он жену убьет – он заплатит 18 ливров, 15 су; если он сие преступление учинил, чтобы жениться на другой женщине, он кроме того, доплатит еще 32 ливра и 9 су».

III «Сообщники мужа в его преступлении платят за отпущение по 2 ливра с головы». «Тот, кто задушит ребенка своего, платит 17 ливров, 15 су; если мать и отец убили ребенка по обоюдному согрешению, они платят 27 ливров, 1 су за отпущение греха». «Женщина, которая убьет дитя свое во чреве своем и отец его, который будет способствовать ей в сем преступлении, платят каждый по 17 ливров, 15 су». «Тот, кто способствует выкидышу, не будучи отцом ребенка, платит на 1 ливр меньше. За убийство брата, сестры, матери или отца платит 17 ливров 15 су».

IV «Священники за позволение сожительствовать с родственниками платят 76 ливров, 1 су». «Всякий любострастный грех, совершенный мирянином, отпущен будет по взносе пени в 27 ливров, 1 су; за кровосмешение прибавляется 4 ливра». «Жена прелюбодейка, испрашивающая отпущение, дабы освободиться от всякого преследования и иметь дозволение на продолжение своих незаконных сношений, платит папе» [Даэнсон, 1923: 59-61].

Извинившись за пространное цитирование этого поучительного исторического документа, заметим, что подобное детальнейшее изложение «грехов» не может прийти в голову законодателю априорно, доопытно, оно может следовать за жизнью, кодифицируя только то, что распространено в реальной жизни.

Итак, рассмотрев особенности функционирования семьи и семейных отношений в обществе доиндустриального типа социальной организации, отметим, что социальные процессы [Штомпка, 1996], которые привели к трансформации традиционной семьи и семейных отношений, в большей части относятся уже к европейскому Новому времени, времени формирования европейской модерна.

- [1] Гофф, Ж. 1992. *Цивилизация средневекового Запада*: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; Послесл. А.Я. Гуревича. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.
- [2] Дюркгейм, Э. 1996. *О разделении общественного труда*. М.: Канон.
- [3] Стефаненко, Т.Г. 1999. *Этнопсихология*. М.: Институт психологии РАН, Академический проект..
- [4] Максимов, С.В. 1995. *Нечистая, неведомая и крестная сила*, *Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила*. Смоленск: Русич.
- [5] Ямлольский, М. 2004. *Физиология символического*. Книга 1. *Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима*. М.: Новое литературное обозрение.
- [6] Фуко, М. 1997. *История безумия в классическую эпоху*. СПб: Университетская книга.

- [7] Гидденс, Э. 1999. *Социология* / Пер. с англ. В. Малашенко, Е. Крюкова и др.; Научн. ред. В.А. Ядов. М.: Эдиториал УРСС.
- [8] Арендт, Х. 1996. *Истоки тоталитаризма* / Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева и др. М.: Центр Ком.
- [9] Эллиот, П., Менделл, Н. 2001. *Теории феминизма*, Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя,
- [10] Бем, С. 2004. *Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов* / Пер. с англ. Д. Викторовой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- [11] Сокулер, З.А. 2003. *Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдьё. (Научно-аналитический обзор)*, Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. Отв. ред. Гирко Л.В. М.: ИНИОН.
- [12] *Лауретис де Т. Американский Фрейд*, Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001.
- [13] Шубарт, В. 2000. *Европа и душа Востока* / Пер. с нем. З.Г. Антипенко и М.В. Назарова. М.: Альманах «Русская идея». Вып. 3, 2-е исправленное изд.
- [14] Фромм, Э. 1998. *Мужчина и женщина, Мужчина и женщина* / Пер. с нем. Т.В. Банкетовой, С.В. Карпушиной, сост.: П.С. Гуревич, С.Я. Левит. М.: АСТ.
- [15] Шубарт, В. 2000. *Европа и душа Востока* / Пер. с нем. З.Г. Антипенко и М.В. Назарова. М.: Альманах «Русская идея». Вып. 3, 2-е исправ. изд.
- [16] Ан-Наим, А.А. 1999. *На пути к исламской реформации (гражданские свободы, права человека и международное право)* / Пер. с англ. О. Фадиной; Отв. ред. Д. Фурман. М.
- [17] Коукер, К. 2000. *Сумерки Запада*. М.: Московская школа политических исследований.
- [18] Шайдуллина, Л.И. 1989. *Социальные доктрины ислама о женщине и современность*, Женщины в современном мире. М.: Наука.
- [19] Шибарина, Е.М. 1989. *Феминизм как одно из идеологических направлений международного женского движения // Женщины в современном мире*. М.: Наука.
- [20] Райх, В. 1997. *Психология масс и фашизм* / Пер. с нем. Ю.М. Донец. СПб.: Университетская книга. М.: АСТ.

- [21] Фуко, М. 1999. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*, Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem.
- [22] Даэнсон, Э. 1923. *О боге и черте* / Пер. с фр. А. Шпицберга. М.: Красная новь.
- [23] Штомпка, П. 1996. *Социология социальных изменений* / Пер. с англ. А.С. Дмитриева; Под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс.